

Константин Бальмонт

ПЕСНИ МСТИТЕЛЯ

Гнев, шорох листьев
древесных, он нашептывает,
он рукоплещет, он сочетает,
единит.

Майя.

РУДА

Широки и глубоки
Рудо-желтые пески.
В мире, жертвенно, всегда,
Льется, льется кровь-руда.

В медном небе света нет.
Все же вспыхнет молний свет,
И железная броня
Примет бой, в грозе звеня.

Бой за вольное житье
Грянул. Сломано копье.
И кольчуга сожжена.
А Свобода, где она?

Дверь дубовая крепка.
Кто раскроет зев замка?
Сжаты челюсти Змеи,
Свиты звенья чешуи.

И пустынно-широки
Рудо-желтые пески.
И безмерно, как вода,
Льется, льется кровь-руда.

ВЕСТНИКИ

На высоте звезда космата
Грозилла нам уж много лет.
И видим: Брат восстал на брата,
Ни в чем уверенности нет.

Лучи косматой кровецветны,
Они отравны для сердец.
Все те, что были неприметны,
Теперь восстали наконец.

И рыбаки, забросив сети,
Нашли, что там дитя-урод.
Ожесточились даже дети,
Рука ребенка нож берет.

И рыбаки, забросив сети,
Со страхом видят: вновь урод.
Теперь прилив десятилетий
Нам много страхов принесет.

В сгущенной мгле звезда космата
Зажжет бесчисленность комет.
Пришла жестокая расплата,
Дрожите все, в ком чести нет.

РЖАВЧИНА

Ржавчина, кровь и огонь,
Тайна какая в вас скрыта?
Тише, ретивый мой конь.
Жди. Замелькают копыта.

Я приготовил стилет.
В сердце – играющий пламень.
Ржавчины более нет.
Грянет подкова о камень.

Брызнет из камня огонь.
Дрогнут посева поляны.
Ржавчина, сердце не тронь.
Конь, как мы вольны в пустыне!

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Летучие мыши снуют,
Свет факелов их испугал.

Расторгнут их душный приют,
Трепещет их цепкий кагал.

Отвратен бесовский их вид,
Шуршит нависающий рой.
Сорвется одна, полетит,
Качнутся незрячей гурьбой.

Очертят неверным крылом
Два круга – и в плесень опять.
Весь мир им сошелся углом,
Им дальше угла не видать.

Трусливо сплетается рой,
За мышь прицепляется мышь.
И вновь разорвался их строй.
Ну, дьявол, куда полетишь?

Свет факелов, как ты хорош.
Смотри: одурели враги.
Сильней и сильней их тревожь,
Вспугни их – и вовсе сожги!

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

Если хочешь смести паутину,
Так смотри и начни с паука.
Если хочешь ты вырубить прорубь, исторгни тяжелую льдину,
Если хочешь ты песню пропеть, пусть же будет та песня звонка.
Если хочешь, живи. Если ж в жизни лишь тюрьмы и стены,
Встань могучей волной и преграду стремленьем разбей.
Если ж стены сильней, разбросайся же кружевом пены,
Но живешь, так живи, и себя никогда не жалей.

ПРЯЖА-ПЛАМЯ

Три сестры мы, три сестры мы,
Три.
Там, везде – пожары, дымы?
Ты, что младшая, смотри.
Люди стали слишком злыми,
Нужно жечь их – до зари.

Ты, что средняя, скорее
Пряжу приготовь.
Я, что всех из вас старше,

Я сочла людскую кровь.
Капли – числа. Числа, рдея,
Пляски чисел жаждут вновь.

Пляски быстры, ткани яркие,
Узел, нить.
Да, мы парки, парки, парки,
В ткань огонь сумеем свить.
Пряжа – пламя, нити – жарки,
Жги, крути их, ненавидь.

НАШ ЦАРЬ

Наш Царь – Мукден, наш Царь – Цусима,
Наш Царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.

Наш Царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходынккой,
Тот кончит – встав на эшафот.

ЦАРЬ-ЛОЖЬ

Народ подумал: Вот – заря.
Пришел тоске конец.
Народ пошел – просить Царя.
Ему в ответ – свинец.

А, низкий деспот! Ты навек
В крови, в крови теперь.
Ты был ничтожный человек,
Теперь ты грязный зверь.

Но кровь рабочего взошла
Как колос перед ним.
И задрожал приспешник зла
Пред колосом таким.

Он красен, нет ему серпа,

Обломится любой.
Гудят колосья, как толпа,
Растет колосьев строй.

И каждый колос – острый нож,
И каждый колос – взгляд.
Нет, Царь, теперь не подойдешь,
Нет, подлый Царь, назад.

Ты нас теперь не проведешь
Девятым Января.
Ты Царь, и значит, весь ты ложь,
И мы сметем Царя!

СЛИТНЫЙ ГОЛОС

А мы и не ходили
Просить кого-нибудь.
А мы и не просили,
Болела очень грудь.
Бог в правде, а не в силе.
Мы ждем. Есть путь. Есть путь.

Хоть долог путь терпенья,
Пробитым тем путем
Придет освобожденье.
Земли! Землицы ждем.
Нам виделось виденье.
Привыкли мы притом.

К нам голод то и дело,
Сказали – недород.
Совсем мы спали с тела,
Кривится, просит рот.
Просить-то нам несмело,
Такой уж мы народ.

Идет к нам лихорадка,
Ползет к нам оспа, тиф.
И так живем. Не сладко.
Домишко кос и крив.
Но ждем. Придет разгадка.
Наш разум терпелив.

Измаялась старуха: –
Дошло, хоть в гроб клади.
Серчает молодуха: –
Что будет впереди?
Но бьется сердце глухо: –

Придут к нам. Погоди.

Пришли. Пришло. Недаром
Мы ждали сто годов.
Пришел к нам Бес – с пожаром.
Прислали – казаков.
Потешились над старым: –
Ложись. Ты что? Готов?

Готов, мои кормильцы.
И телом и душой.
Готов, мои поильцы.
Вот гроб, старуха, твой.
Готов, мои кормильцы.
Молодка, песню спой.

Мол, сердце не обманет: –
Готов так уж готов.
Темно? Так Солнце глянет.
Темно? А свет громов!
Светло повсюду станет
От красных петухов.

Пропой, что их раденье –
Нам ласка, в добрый час.
Мы видели виденье,
И верен вещей глаз.
Придет освобожденье
Для нас – и через нас!

НАРЫВ

Самодержавие разорвано, разбито,
Ему приходится к разбойникам взывать.
Но мути мерзостной еще довольно скрыто,
Гнойник насилия все ж будет нарывать.

Царь губошлепствует. В дворце его – громила,
Кричащий с наглостью: «Патронов не жалеть».
Другой холоп, поняв, что Пролетарий, сила –
Лопочет: «Братцы, стой. Я вам готовлю – клеть».

О, мерзость мерзостей! Распад, зловонье гноя.
Нарыв уже набух и, пухлый, ждет ножа.
Тесней, товарищи, сплотимтесь все для боя,
Ухватим этого колючего ежа.

Его колючки – штык, его колючки – пули,
Его ухватка – ложь, фальшивые слова.

Но голос Вольности растет в безмерном гуле: –
Прочь, старое гнилье! Пусть будет Жизнь жива!

ЗВЕРЬ СПУЩЕН

Зверь спущен. Вот она, потеха
Разоблаченных палачей.
Звериный лик. Раскаты смеха.
Звериный голос: «Бей! Бей! Бей!»

И вдоль по всей России, снова,
Взметнулась, грязная всегда,
Самодержавия гнилого
Рассвирепевшая орда.

Удар могучий Общей Стачки
Их выбил вон из колеи.
Добычи нужно им, подачки
От их Романовской семьи.

Чужое нужно паразитам,
Свобода – гадам не под стать.
И вот они, своим синклитом,
Спустили Зверя погулять.

Но мы не спим, мы четко видим,
Борцов Восстания не счесть.
И тех, кого мы ненавидим,
В свой должный миг постигнет месть.

Гуляй же, Зверь Самодержавья,
Являй всю мерзость для глаз.
Навек окончилось бесправье.
Ты осужден. Твой пробил час.

ПЕРЕКЛИЧКА ГЕРОЕВ

Товарищи-герои
Зачахшего Царя,
В великом неспокое,
Сошлись в летнем зное,
И сели, говоря: –
«Товарищи-герои,
Нам равных в свете нет,
Мы в мире – гром побед.
А раз беда настала,

Добычи стало мало,
Обсудимте предмет,
Найдем дыре затычку.
Начнемте ж перекличку,
Составимте совет».
«Ты кто?» – «Я объедало.
Я есть всегда готов,
Ем сразу семь быков,
И все утробе мало.
Съем триста пирогов,
И щелкаю зубами.
Хватаю хлеб снопами.
У лошадей овес, –
Им сытость не пристала,–
Схвачу, съем целый воз.
Иду к коровам. Мало!»
Прислужники Царя
Пропели хором: «Слава!
Ты мыслишь нелукаво,
Столь просто говоря».
«А ты кто?» – «Опивало.
Припев мой тоже – «Мало».
Дай бочек сто вина,
Мне шутка в том одна».
Прислужники запели:
«Ну, что же, в самом деле,
Напали мы на след,
Наладился совет.
Чего же мы робели?»
«А ты кто?» – «Скороход.
Одна нога на море,
Как посуху идет,
Другая на просторе
Чужих полей и рек,
Я быстрый человек,
Умею подвигаться.
Наставлю пушек в ряд,
И ни один заряд
Не выпущу, – что́ драться!
Кто может подвигаться,
Тот между двух морей
Все пушки, как игрушки
Для маленьких детей,
Оставит на опушке,
Сам в лес, бежать, скорей.
Ведь бегали и Боги.
Хвалите ж эти ноги.
Я дивный Скороход,
И кто меня поймет!»
Его никто не понял,
Но разумели все,
Он речью всех их пронял.

О, речь, в ее красе!
И длилась переключка.
«А ты кто?» – «Я Стрелок.
Я птичка-невеличка,
Но в самый краткий срок,
Кто думать смел и мог,
Тот думать перестанет,
Да, ноги он протянет,
Не так, как Скороход,
И всяк меня поймет,
Смутьянить перестанет.
Смутьянить перестанет».
Прислужники Царя
Стрелка завеличали,
Стрелка они качали,
С утехой говоря:
«Какой нам ждаться печали?
«А ты кто?» – «Чуткий я.
Подслушивал с пеленок.
Вся в этом жизнь моя.
Мой слух так дивно тонок,
Что слышу даже то,
Чего не знал никто.
Расслышу через стены,
Проникну через лбы.
Никто своей судьбы
Не минет в миг измены.
Дрожите же, рабы,
Мой перст вам списки пишет.
Не мыслишь ты сейчас, –
Возмыслишь через час.
Но Чуткий чутко слышит: –
Заранее, вперед».
Ах, ум – как сладкий мед!
Герои ликовали,
Проверили печали,
Распутана беда.
Но скудно пировали: –
Есть деньги не всегда.
Но им за труд награда
Должна же быть. Так надо.
И вот, идя ко сну,
Решил синклит, подумав:
«Теперь – у толстосумов
Пощупаем мошну».

РУССКОМУ ОФИЦЕРУ

Грубый солдат! Ты еще не постиг,

Кому же ты служишь лакеем?
Ты сопричислился – о, не на миг! –
К подлым, к бесчестным, к злодеям.

Я тебя видел в расцвете души,
Встречал тебя вольно-красивым.
Низкий! Как пал ты! В трясине! В глуши!
Труп ты, во гробе червивом.

Кровью ты залил свой жалкий мундир!
Душою ты в пропасти темной.
Проклят ты. Проклят тобою весь мир.
Нечисть! Убийца наемный!

ДЕВА-ОБИДА

Дева Обида, Лебединые крылья,
Всплескала крылами над Доном,
Потому что Донские казаки суть духи насилья,
Их имя, что гордостью было, ныне слито, как с эхом, со стоном.

Их имя, что знаменем было лихого задора,
Уродливым сделалось знаком хлыста,
Кличем беспутного зверства, позора,
В нем душевная грязь, нищета.

Казак означал молодца удалого,
А ныне казак есть наемный палач.
О, Дева Обида, над Доном промчи это слово,
Казацкая мать, ты над сыном продажным восплачь.

НЕИСТОВОЕ ВОИНСТВО

Неистовое воинство набегов грозowych
Живет в сознании прадедов, как полнозвучный стих.

Все в рокотах, все в молниях, в разметанностях туч,
Налет его зиждителин, набег его певуч.

Индусы нам поведали, как Рудра, царь ветров,
Стада сгоняет пышные, среди облачных лугов.

Утонченники Мексики, среди грозowych полей,
Кветцалькоатля видели, что был Перистый Змей.

Бойцам во имя Одина в Валгалле быть дано,

Среди валькирий пиршество навек там суждено.

Вотан, с Германской музыкой, лелея слух и взор,
Со свитою проносится к уступам темных гор.

Славяне тоже ведали напев и громы струн,
Стрибог им веял стрелами, им гул метал Перун.

Все воинства неистовы набегов грозových,
Славянских стран, моей страны, и всяких стран иных.

Им подражали воинства реальных слов и дел,
Напевы им звенящие Поэт не раз пропел.

О, горе! Только воинство России наших дней
Лишь подлостью прославилось наемных палачей!

БУДТО БЫ РОМАНОВЫМ

Ослабели Романовы. Давно их пора убрать.
Слова Костромского мужика.

Были у нас и Цари, и Князья.
Правили. Правили разное.
Ты же, развратных ублюдков семья,
Правишь вполне безобразно.

Даже не правишь. Ты просто Бедлам,
Злой, полоумно-спесивый.
Дом палачей, исторический срам,
Глупый, бездарный и лживый.

Был в оны годы безумный Иван,
Был он чудовищно-ликим,
Самоуправством кровавым был пьян,
Все ж был он грозно-великим.

Был он бесовской мечтой обуян,
Дьяволам был он игрушка: –
Этот, теперешний, лишь истукан,
Марионетка, Петрушка.

Был в оны годы, совсем идиот,
Ликом уродливый, Павел,
Кукла-солдатик – но все же и тот
Лучшую память оставил.

Павла пред нынешним нужно ценить,
Павел да будет восхвален: –

Он не тянул свою гнусную нить,
Быстро был создан им Пален.

Этот же, мерзостный, с лисьим хвостом,
С пастью, приличною волку,
К миру людей закликает, – притом
Грабит весь мир втихомолку.

Грабит, кощунствует, ежится, лжет,
Жалко скулит, как щенята.
Вы же, убудки, придворный оплот,
Славите доброго брата.

Будет. Окончилось. Видим вас всех.
Вам приготовлена плаха.
Грех искажителей – смертный есть грех.
Ждите же царствия Страха!

НИКОЛАЮ ПОСЛЕДНЕМУ

Ты грязный негодяй с кровавыми руками,
Ты зажиматель ртов, ты пробиватель лбов,
Палач, в уютности сидящий с палачами,
Под тенью виселиц, над сонмами гробов.

Когда ж придет твой час, отверженец Природы,
И страшный дух темниц, наполненных тобой,
Восстанет облаком, уже растущим годы,
И бросит молнию, и прогремит Судьбой.

Ты должен быть казнен рукою человека,
Быть может собственной, привыкшей убивать,
Ты до чрезмерности душою стал калека,
Подобным жить нельзя, ты гнусности печать.

Ты осквернил себя, свою страну, все страны,
Что стонут под твоей уродливой пятой,
Ты карлик, ты Кошей, ты грязью, кровью пьяный,
Ты должен быть убит, ты стал для всех бедой.

Природа выбрала тебя для завершения
Всех богохульностей Романовской семьи,
Последыш мерзостный, ползучее сцепленье
Всех низостей, умри, позорны дни твои.

СЛОВО И ДЕЛО

«Слово и Дело» – ваш клич против нас.
Что ж, мы достойно вас встретим.
Мы на мигания вражеских глаз
Словом и делом ответим.

В душу людскую дороги вам нет.
Можете мучить лишь тело.
Делайте ж черное, – будет в ответ
Красное Слово и Дело!

ПОСЛЕДНИЙ ЗОВ

Теперь, когда идет резня,
И жадны руки у злодея,
О, братья, слушайте меня,
Сомкнемтесь все, дружной, теснее.

Мы можем верить лишь себе,
Составим тесную дружину,
Да будет каждый миг в борьбе,
Разгоним мрак, разгоним тину.

Мы будем слиты все в одно,
Вооружимся поголовно,
Вокруг врагов сомкнем звено,
Убийц – низложим хладнокровно.

У них в ответ на слово – кнут,
Они – свирепые собаки,
За черносотенцем идут
С своей винтовкою казáки.

Еще им нравится игра
В Народ - слепец с Монархом - в ором,
И называют шулера
Крик сердца праздным разговором.

Так пусть же разум зверю мстит,
И если нет иного хода,
Я возвещаю динамит
Во имя вольности Народа.

ВОЛЧЬЕ ВРЕМЯ

Я смотрю в родник старинных наших слов,

Там провиденье глядится в глубь веков.
Словно в зеркале, в дрожании огней,
Речь старинная – в событиях наших дней.

Волчье время – с ноября до февраля.
Ты растерзана, родимая земля.
Волколаки и вампиры по тебе
Ходят с воем, нет и меры их гурьбе.

Что ни встретится живого – пища им,
Их дорога – трупы, трупы, дым и дым.
Что ни встретится живого – загрызут.
Где же есть на них управа – правый суд?

Обогали, осквернили все кругом,
Целый край – один сплошной кровавый ком.
С ноября до февраля был волчий счет,
С февраля до коих пор другой идет?

Волчьи души, есть же мера, наконец,
Слишком много было порвано сердец.
Слишком много было выпито из жил
Крови, крови, кровью мир вам послужил.

Он за службу ту оплатит вам теперь,
В крайний миг и агнец может быть как зверь.
В вещий миг предельно глянувших расплат
С вами травы как ножи заговорят.

Есть для оборотней страшный оборот,
Казнь для тех, кто перепутал всякий счет.
Волчье время превратило всех в волков,
Волчьи души, зуб за зуб, ваш гроб готов.

К ОСТЫВШИМ

Ненавистны мне враги.
Но друзья отвратны вдвое,
Если, крикнув «Помоги»,
Если, крикнув «Здесь враги»,
Я увижу лик их сонным в преждевременном покое.

Сладость – ненависть к врагу,
Радость – жизнь отдать для мщенья.
Но жестоко – не могу –
К другу, к другу, не к врагу,
Вдруг почувствовать не дружбу, а последнее презренье.

СЛЕПЦЫ

Один слепец ведет другого,
И в безобразии своем,
Кривым путем,
Глупец глупца,
Слепец слепца,
Вперед уводит без конца.

Ты понимаешь это слово?

Подняв глаза, раскрывши рты,
Подняв глаза свои слепые,
На ощупь в царстве темноты,
Кроты, кроты,
Они ползут, скрипят, – их выи
Надменны, – полны срамоты
Их неуклюжие движенья, –
Они – одно, они – сцепленье,
Уродство самоослепления.

Убогость эту понял ты?

НАЧИСТОТУ

Кто не верит в победу сознательных смелых Рабочих,
Тот играет в бесчестно-двойную игру.
Он чужое берет, на чужое довольно охочих,
Он свободу берет, обогренную кровью Рабочих,
Что ж, бери, всем она, но скажи: «Я чужое беру».

Да, Свобода для всех, навсегда, и однако ж вот эта Свобода,
И однако ж вот эта минута – не комнатных душ,
Не болтливых, трусливых, а смелых из бездны Народа,
Эта Воля ухвачена с бою, и эта Свобода
Не застольная речь красная, не жалкий извилистый уж.

Это кровь, говорю я, посмевающих и вставших Рабочих,
И теперь, кто не с ними, тот шулер, продажный и трус.
Этих мирных, облыжно-культурных, мишурных и прочих
Я зову: «Старый сор». И во имя восставших Рабочих
Вас сметут. В этом вам я, как голос Прилива, клянусь!

СТРАШНЫЙ СРОК

(Москва, 13 ноября, 1905)

Он близится, безумно-страшный срок,
Зовущийся Девятым Января.
Зловещих дней растет поток.
Свершится ль все, что должно, в краткий срок?
Мы свергнем ли преступного Царя?
Мы правы ли, так твердо говоря,
Что час победы недалек?
Быть может, в близких днях, в незримости, возник
Не светлый миг, о, нет, двойник
Девятого, такого ж, Января?

О, нет, нет, нет. Друзья, клянитесь мне.
Скажите: Все ли мы не спим?
Скажите: Точим ли ножи мы в тишине?
Скажите: Отдан ли приказ сторожевым?
Убитый часто был убит в глубоком сне.
Клянитесь же себе и мне,
Клянитесь не отдаться им,
Врагам Свободы вековым.
Пусть рой их не захватит нас
Бессильными в обманный час.
Свергать ли нам Царя? Он свергнут. Нет его.
Он – кукла, призрак, тень позора своего.
Я не о нем. Но много их,

Врагов, врагов, врагов живых,
Чья волчья пасть готова съесть
Всех тех, в ком искра Правды есть.
Не спите, братья. Жутко мне.
Не за себя, но, весь в огне,
Я говорю вам: Бойтесь Тьмы.
Враги идут. Готовы ль мы?
Подходит – Б ы т ь или н е б ы т ь .
Нам надо Зверя истребить.

ПОЗАБЫТЫЕ СТРОКИ

Я нашел в листках забытых
Эти строки – С т р а ш н ы й с р о к –
Символ дней давно отжитых,
Жизней, мыслей, снов разбитых. –
Есмь, как был я, одинок.
Я предвидел, знал наверно
Все, что будет – быть должно.
Дни уходят равномерно,
Я один упал на дно.

Да, я знал, но я с бойцами
Братским словом говорил,
Верил я, что их делами
Будет спугнут мрак могил,
Так хотелось жить мне снами,
Думать, будто их глазами,
Их живыми голосами
Опровергнут буду я.
Нет, сбылась тоска моя.
Те, которые твердили,
Что врагов почти что нет,
Уступили грубой силе,
И ушли... «Прощай, поэт».
Что ж, прощайте. Я прощаюсь.
Я один упал на дно.
Но свершить я обещаюсь
То, что мне, лишь мне дано.

ГДЕ МЕСТЬ?

Мы были вместе. Враг наш был громаден.
Но против числ имели числа мы,
И блески молний против тьмы,
И гнев красивых против низких гадин.
Я говорил: – «Спешить ли нам с борьбой?
Иль в тишине верней удар готовить?» –
Но вы сказали: – «О, певец! Лишь пой.
Мы победим. Враг побежит гурьбой.
Ты – пой. Умей мятежность славословить.
Ты песню лучше ведаешь, чем меч.
Шутя, мы с первого удара
Весь вражий стан сметем в огнях пожара!» –
О, не всегда возможно остеречь!
Предостеречь – до верного мгновенья –
Так жаждал я. Сказали мне: – «Молчи.
Не говори. Иль пой. Умножь стремленье.
Отточены у нас мечи.
Готовы мы, готовы для отмщенья.
Любой из нас костром сверкнет в ночи!» –
И я запел. И ярко было пенье.
И клялся я, что буду верен вам.
Сказал: – «Не изменю. Но смерть врагам.
Иль месть – от побежденных. Месть, а там –
Будь то, что будет. Или вам – презренье.
Кто поднял меч, кто бой начать умел,
Пусть победит, иль в мщеньи будет смел».
Ну, что ж? Не пел ли я? Так петь не может
Никто другой.
Мой стих звучит, как звук волны морской.

Но песня в пораженьи не поможет.
А вы сошлись опять на звоны слов?
Вам блеск стиха – приятней взмаха стали?
Уж не поплакать ли нам вместе от печали,
Меланхолически, что мы слабей врагов?
Мы связаны. Где месть? Где наше мщенье?
Вожди борцов! Ваш пыл довольно мал.
Я жду – от вас достойного свершенья.
Не от себя. Что я сказал, сказал.

ДО КОНЦА

Горят огни, шумят станки,
Гудят станки фабричные.
Не в силах я терпеть тоски.
Был брат, – убит. Другим – цветки.
А нам – гроба кирпичные.

Могильный свод фабричных стен.
В висках – удары молота.
В плену мы здесь. И ты взят в плен.
Убит за грех чужих измен.
И все в уме расколото.

Был брат, – убит. Мой брат убит.
И все? Гудок? Гудение?
О, брат за брата отомстит!
Прощай, станок. Душа болит.
Иду. Есть правда: – Мщение!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Убийства, казни, тюрьмы, грабежи,
Сыск, розыск, обыск, щупальца людские,
Сплетения бессовестнейшей лжи,
Слова – одни, и действия – другие.

Романовы с холопскою толпой,
С соизволенья всех, кто сердцем низок,
Ведут, как скот, рабочих на убой.
Раз, два, конец. Но час расплаты близок.

Есть точный счет в течении всех дней,
Движенье в самой сущности возвратно.
Кинь в воздух кучу тяжкую камней,
Тебе их тяжесть станет вмиг понятна.

Почувствуешь убогой головой,
Измыслившей подобные забавы,
Что есть порядок в жизни мировой,
Ты любишь кровь – ты вступишь в сон кровавый.

Из крови, что излита, встанет кровь,
Жизнь хочет жить, к казнящим – казнь сурова.
Скорее, Жизнь, возмездие готовь,
Смерть Смерти, и да будет живо Слово!

ЗАВЕТ

Не забывают обид вековых,
Мучимой раненой чести.
Я зажигаю сверкающий стих,
Полный дрожания мести!

Я научу вас, как верных моих,
Духом быть с пламенем вместе.
Не забывают обид вековых.
Мести насильникам, мести!

Взрывом вулкана ударим мы в них,
Звуками вражеской вести.
Я возношу торжествующий стих.
Мести насилию, мести!

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты вековые.
Тот молот – твой. Пою тебя,
Во имя всей России!

Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.

Тебя желают обмануть,
Опять, опять и снова.

Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь на грудь,
То – зов Сторожевого.

Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи –
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты,
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, Рабочий!

ПОЭТ РАБОЧЕМУ

Я Поэт, и был Поэт,
И Поэтом я умру.
Но видал я с детских лет
В окнах фабрик поздний свет,
Он в уме оставил след,
Этот след я не сотру.

Также я слышал гудок,
В полдень, в полночь, поутру.
Хорошо я знаю срок,
Как велик такой урок,
Я гудок забыть не мог,
Вот, я звук его беру.

Почему теперь пою?
Почему не раньше пел?
Пел и раньше песнь мою,
Я литейщик, формы лью,
Я кузнец, я стих кую,
Пел, что молод я и смел.

Был я занят сам собой,
Что ж, я это не таю.
Час прошел. Вот, час другой.
Предо мною вал морской,
О, Рабочий, я с тобой,
Бурю я твою пою!

К РАБОЧЕМУ

Рабочий, странно мне с тобою говорить: –
По виду я – другой. О, верь мне, лишь по виду.

В фабричном грохоте свою ты крутишь нить,
Я в нить свою, мой брат, вкручу твою обиду.

Оторван, как и ты, от тишины полей,
Которая душе казалась могильной,
Я в шумном городе, среди чужих людей,
Не раз изнемогал в работе непосильной.

Я был как бы чужой в своей родной семье,
Меж торгашами слов я был чужой бесспорно.
По Морю вольному я плыл в своей ладье,
А Море ширилось, безбрежно, кругозорно.

Мне думать радостно, что прадеды мои
Блуждали по морям, на Севере туманном.
В моей душе всегда поют, журчат ручьи,
Растут, чтоб в Море впасть, в стремленьи необманном.

В болотных низостях ликующих мещан
Тоскует вольный дух, безумствует, мятется.
Но тот отмеченный, кто помнит – Океан,
Освобожденья ждет и бури он дождется.

Она скорей пришла, чем я бы думать мог:
Ты встал – и грянул гром, все вышли из преддверья.
На перекрестке всех скрестившихся дорог
Лишь к одному тебе я чувствую доверье.

Я знаю, что в тебе стальная воля есть,
Недаром ты стоишь близ пламени и стали.
Ты в судьбах Родины сумел слова прочесть,
Которых мудрые, читая, не видали.

Я знаю, можешь ты соткать красиво ткань,
Раз что задумаешь, так выполнишь что надо.
Ты мирных пробудил, ты труп молвил: «Встань»,
Труп – жив, идут борцы, встает, растет громада.

Кругами мощными растет водоворот,
Напрасны лепеты, напрасны вопли страха:
Теперь уж он в себя все, что кругом, вберет,
Осуществит себя всей силою размаха.

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, мы разны не только по виду,
Быть может я вовсе другой.
Не знаю. Но знаю, что счел я своей незабвенной – обиду
Твою,

И ее пропою,
И этой обидой мы связаны вместе,
Как голосом тайны, для нас дорогой,
И этой обидой, и жаждою мести –
Мы вместе, мы вместе, в пустыне морской,
Число наших лодок огромно, несчетно,
И мы ударяем веслом,
И в разных ладьях мы плывем быстролетно,
Но кончится путь – на побережье одном.
И в час, как на берег пристанем мы розно,
Быть может, тебе не припомнюся – я,
Но сладко мне знать, что победно и грозно
Промчится крылатая стая твоя!

РАБОЧЕМУ РУССКОМУ СЛАВА

Рабочему Русскому – слава!
Во имя родного Народа,
Он всем возвестил, что Свобода
Людское священное право.
Рабочему Русскому – слава!

О, Рабочий, ты вырвал испуганный крик
У Насилья, чьи дни сочтены.
Задрожал этот рабий монарший язык
Пред напором народной волны.
Он бормочет, лопочет, но дни сочтены,
Все осветит сиянье Весны.

Еще снова и снова нахлынут на нас
Роковые потемки Зимы.
Но уж красные зори наметили час,
Колыхнулись все полчища Тьмы.
Будем тверды, не сложим оружия мы
До свержения вражьей Чумы.

Рабочему Русскому – слава!
Во имя родного Народа,
Он всем возвестил, что Свобода
Людское священное право.
Рабочему Русскому – слава!

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

«Земля и Воля» – крик Народа,
«Земля и Воля» – клич крестьян.

«Все – заново, и всем – Свобода»,
Рабочий крикнул сквозь туман.
«Все – заново, и всем – Свобода»,
Как будто вторит Океан.

Мне чудится, что бурным ходом
Идет приливная волна.
Конец – тюремным низким сводам,
В тюрьме разрушена стена.
Судьба России всем Народом
Теперь должна быть решена.

Крепчает, воеет непогода,
Но ум Рабочего – маяк.
В Земле и Воле – жизнь Народа,
Опять душить не сможет мрак.
Все – заново, и всем – Свобода.
Да будет так. Да будет так.

ЦАРЬ-МОРОЗ

Царь-Мороз крутит пушинки,
Строит замки изо льда,
Блестки, капельки, снежинки
Превращает в города,
Оттого что у Мороза
Как кристалл прозрачна греза,
Ну, а воля уж тверда.

Много в мире есть пушинок, –
Мысли, помыслы людей,
Наши слезы – ответ льдинок,
Каждый мал в судьбе своей,
Но, приняв решение гордо,
Слившись, будем слиты твердо, –
Победим мы всех царей.

ГУННЫ

Гунны жили на конях,
В седлах ели, спали, пили,
Между битвами любили,
В кратковременных пирах,
Про дома же говорили:
«В доме быть – то быть в могиле».
Гунны жили в быстрых днях,

Пронеслись как бы во снах,
Но донныне в полной силе
Этот зов не быть в стенах:
В доме быть – то быть в могиле.

ПРЕСТУПНОЕ СЛОВО

Кто будет говорить о слове примиренья,
Покуда в тюрьмах есть сходящие с ума,
Тот должен сам узнать весь ужас заключенья,
Понять, что вот, кругом, тюрьма.

Почувствовать, что ум, в тебе горевший гордо,
Стал робко ищущим услад хоть в бездне сна,
Что стерлась музыка, до крайнего аккорда,
Стена, стена и тишина.

Кто будет говорить о слове примиренья,
Тот предает себя и предает других,
И я ему в лицо, как яркое презренье,
Бросаю хлещущий мой стих.

ПЕСНЬ ПОЛЬСКОГО УЗНИКА

(Adam Mickiewicz, Dziady, III)

Nie dbam jaka spadnie kara.
Felix.

Какому б злу я ни был отдан, –
Рудник, Сибирь, – о, пусть. Не зря
Я буду там: я верноподдан,
Работать буду для Царя.

Куя металл, вздымая молот,
Во тьме, где не горит заря,
Скажу: пусть тьма, пусть вечный холод, –
Топор готовлю для Царя.

Татарку выберу я в жены,
Татарку в жены, говоря:
Быть может, выношен, как стоны,
Родится Пален для Царя.

Когда в колониях я буду,
Я огород себе куплю,

И каждый год, поверя чуду,
Лен буду сеять, коноплю.

Из конопли сплетутся нити,
В них серебро мелькнет, горя,
К ним, может, честь придет – о, ждите:
То будет шарфом для Царя.

ПЕСНЬ КРОВИ

(Dziady, III)

Piesn ma byla juz w grobie, juz chlodna.
Konrad.

Песнь моя уж в могиле была, уж холодной,
Кровь почуяла, вот, из земли привстает,
Смотрит вверх, как вампир, крови ждущий, голодный.
Крови ждет, крови ждет, крови ждет.
Мщенья, мщенья! Где враг, там берлога.
С Богом – пусть даже, пусть и без Бога!

Песнь сказала: пойду я, пойду ввечеру,
Буду грызть сперва братьев, им дума моя,
Тот, кого я когтями за душу беру,
Пусть вампиром предстанет, как я.
Мщенья, мщенья! Где враг, там берлога.
С Богом – или хотя бы без Бога!

Мы потом из врага выпьем кровь – будем пить,
Его тело разрубим потом топором,
Его ноги нам нужно гвоздями пробить,
Чтоб не встал, как вампир, с жадным сном.
И с душою его мы пойдем в самый Ад,

Все мы разом усядемся там на нее,
Чтоб бессмертье ее удушить, о, стократ,
И пока будет жить, будем грызть мы ее.
Мщенья, мщенья! Где враг, там берлога,
С Богом – пусть даже, пусть и без Бога!

ВСАДНИК С МЕЧОМ

(Памяти Бессмертного)

Всадник с мечом на коне,

Герб незабвенной Литвы, –
Как это нравится мне,
Всадник с мечом на коне.
Где же, воители, вы?

Где же, созвучные, вы?
Или все это – во сне?
Морем зеленой травы
Едет в просторах Литвы
Всадник с мечом на коне.

Латы горят, как в огне.
Встаньте же, братья, и вы.
Свет вам несет он и мне,
Всадник с мечом на коне
Польши и древней Литвы.

СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Чист, речист язык Славянский был всегда,
Чист, речист, певуч, как звучная вода.

Чутко-нежен, как над влагою камыш,
Как ковыль, когда в степи ты спишь – не спишь,

Сладко-долог, словно светлые мечты,
В утро Мая, в час когда цветут цветы.

Поцелуйно он, лелейно он лукав,
Как улыбка двух влюбленных в миг забав.

А порой, как за горою гулкий гром,
Для врага угроза верной мести в нем.

А порой, для тех чья жизнь один разбой,
Он как Море, что рокочет вперевой.

Он как Море, он как буря, как пожар,
Раз проснется, рушит все его удар.

Он проснулся, в рдяном гневe сны зажглись.
Кто разгневал? Прочь с дороги! Берегись!

БЕЗ ОШИБКИ

У вас есть сила грязи,

Грязнитесь в добрый час.
А что же есть у нас?
Последний крик в рассказе,
Есть власть быть сильным в сглазе,
Блестящестъ вещей глаз.

Вы встали черной тучей,
Веселие средь вас,
Вы видите – ваш час.
Судьба дала вам случай.
Проснись, палач, и мучай,
Будь смел – в последний раз.

У вас есть пулеметы,
Являйтесь без прикрас.
Есть нечто и у нас:
Возможность кончить счеты.
Исчерпаны все льготы.
Мы – ваш последний час.

КРАСНЫЕ КАРТЫ

Неизбежно гильотина
Проблистала – оттого,
Что была чрезмерна тина,
И в уме у Властелина,
Кроме рабства, ничего.

Неизбежной стала плаха
И для нашего Царя.
В царстве грязи, в царстве страха
Он низвергнется с размаха,
В бездну с ужасом смотря.

Неизбежно. Слишком много
Влито крови в черноту.
Лгали нагло и убого.
Правда ждет и правит строго,
Все движенья – на счету.

Карты с красною окраской
Поиграли – есть конец.
Мы закрыты красной сказкой,
Мы покрыты кровью вязкой,
Заглянули в багрянéc.

Пики, черви, черви, пики,
Бубны, трефы – вся земля.
Долго в нас глушили крики,

Но проклятья многолики, –
Мы казнили Короля.

Мы казнили Королеву,
Соучастницу его.
Кто вулканному напеву
Крикнет «Будет!»? Взрыву, гневу
Кто уменьшит торжество?

Пики, черви, черви, пики
Замелькали, говоря.
Вопли мести грозны, дики.
Карт кровавых страшны лики.
Туз – Народ, и нет Царя.

МОЛЬБА

О, я молю тебя, родимый мой Народ,
Как этот ужас для тебя
Придет, воистину придет,
Ты пожалей ее, и, Женщину любя,
Царицу не включай в жестоко-правый счет.

Да, ты любил Царя, но ты его лишен,
И ты к Царю пошел, но не было его.
Он только сказка, страшный сон,
Убийственный мертвец, он должен быть казнен.
Вампира – в гроб. Тут – страх, но мертвое – мертво.
Раз воскресить нельзя, будь смертью смерть его.
Вампир да будет мертв. В том ужас, но закон.

Но, мой Народ, да будет гнев,
Твой гнев, Славянский гнев, и жалости не чужд.
Во имя всех твоих скорбей, терзаний, нужд,
Во имя жен твоих и дев,
Загубленных, в веках, для них,
Кого отметил ты и мой звенящий стих,
Во имя той тоски, что ты века, не дни,
Терпел, до гробовой доски скорбя,
Народ родной, молю тебя,
Ты казнь Женщины себя не оскверни,
И тяжким молотом оплот тюрьмы дробя,
В час гнева и суда – ты милость вспомяни.

ТЕМНЫМ

Вы меня заставляете ведать вражду,
Быть в гробу, быть во сне, жить в бреду,
Быть в тяжелом угаре с закрытостью глаз,
И за то проклинаяю я вас.

Отравители, страшен ваш синий угар,
Но на чары ответственность есть чар.
Я вам дымное зеркало, мертвой рукой,
Протяну и убью вас тоской.

Опрокину в зеркальность уродство теней,
Ваше страшное станет страшней.
В этом дымном затоне есть вещая власть,
Есть возможность безгласно проклясть.

Пусть вас множество, – имя мое Легион,
Он идет, и горит небосклон.
Я здесь мертвый лежу, ворожу, ворожу,
Тайну тайн никому не скажу.

ЛИК ВОССТАВШИЙ

Я пройду через стены домов –
Я войду в сокровенность сердец –
Я восстал из священных гробов –
Я восстал, чтобы мстить, наконец, –
Я взлелеян кровавостью снов –
Я один мученический лик –
Я восстал из несчетных гробов –
Я возник – Я гляжу – Я возник –
Я хожу по изгибам умов –
Я крещу их багряным огнем –
Я ведун заклинательных слов –
Я убит – Мы убиты – Убьем –

КРЫЛЬЯ

Уж более прощать нельзя,
Губить прощеньем дух не в силах.
Ведет уклонная стезя,
И ветер носит длиннокрылых.

По той стезе идут ряды,
Ряды погубленных навеки.
Но причастились мы Звезды,
И мы растем, и ропщут реки.

И мы идем, и мы летим.
Как туча – тайные усилья.
Где враг? За ним! За ним! Мы мстим!
У нас есть крылья, крылья, крылья.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС

Скоро двенадцатый час.
Дышат морозом узоры стекла.
Свечи, как блески неведомых глаз,
Молча колдуют. Сдвигается мгла.
Стынут глубинно и ждут зеркала.
Скоро двенадцатый час.

Взглянем ли мы без испуга на то,
Что наколдует нам ледянность зеркал?
Кто за спиной наклоняется? Что?
Прерванный пир и разбитый бокал.
Что-то мне шепчет: «Не то! О, не то!
Жди. И гляди. Есть в минутах – рассказ.
Нужно расслышать. Постой.
Ты наклонен над застывшей водой.
Зреет двенадцатый час».

Вот проясняется ледянность глубин.
Город, воздвигнутый властной мечтой.
Город, с холодной его нищетой.
Сильные – вместе. Бессильный – один.
Слабые – вместе, но тяжестью льдин
Сильные их придавили, и лед
Волосы поднял на нищих, кует
Крышу над черепом. Снежность седин.
Тени свободные пляшут на льду.
Все замутилось. Постой. Подожду.
Что это в небе? Вон там?

Солнце двойное. Морозный простор.
В Городе, там, по церквам, по крестам.
Солнце бросает обманный узор.
Солнце – двойное! Проклятие нам!

Кто-то велел площадям,
Улицам кто-то велел
Быть западнями. Какой-то намечен предел.
Сонмы голодных, возжаждавших душ.
Сонмы измученных тел.
Ключья растерзанных. В белом – кровавости луж.
Кто-то, себя убивая, в других направляет прицел.

Дети в узорах ветвей.
Малые птицы людские смеются под рокотом пуль.
Сад – в щебетании малых детей.
Точно – горячий Июль.
Точно – не ледяной Январь.
«Царь!» – припевают они и хохочут над страшными. «Царь!»
«Сколько нам пляшущих пуль!»
«Царь!» – припевают и с ветки на ветку летят.
Святочный праздник – для всех.
Разве не смех?
Вместо листов,
Мозгом младенческим ветки блестят.
Разве не смех?
Вместо цветов,
Улицы свежую кровью горят.
Сколько утех! Радость и смех!
Святочный праздник для всех.

Пляска! Постой!
Больно глазам. Ослепителен блеск.
Что за звенящий разрывчатый треск?
Лед разломился под жаркой кипящей водой.
Чу! Наводнение! Город не выдержит. Скрепа его порвалась.
Зеркало падает. Сколько валов!
Сколько поклявшихся глаз!
Это – двенадцатый час!
Это – двенадцать часов!

Печатается по: К. Д. Бальмонт. Песни Мстителя. – Париж: 1907

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>